Пришла и Наталья с недовязанным крючковым чулком. (Захудила весна — сильней зять дед Гришака.) Она была оживлена, чище чем нужно смеялась чужим шуткам, просто ей не хотелось показать бабам, что ее борет тоска по мужу, бросившему ее.

Поочередь свесив с печки босые в фиолетовых прожилках ноги подтрунивала над молодой заносчивой бабенкой Фросей.

— То как-же, Фросюка ~~Анюша~~ своего казака избила?

— Не знаешь как? По стене, по голове, по чем попалось.

— Я не про то, как у вас завелось?

— Так и завелось. — Нехотя отвечала та.

— То-б своего прихватила с чужой, аль смолчала-б? — Медленно расставляя слова сбросила длинная, жердястая тетка Кащулика Матвея.

— Рассказни, Фросинья.

— Нечего ~~ут~~... Кашла о гам треприть.

— Не ковенься, тыточка свои.

Фрося вытлевая в руку подсолнечную лузгу улыбнулась.

— ~~Ой~~ Я давно за ним примечала, а тут перекинулся мне, вроде тот на мельнице с задохсной какой-то лирочничает. Я туда, они возля просорушки...

— Што-ж, Наталя про Анюша не вспахать? — перебила ~~Фросю~~ Кащулинская снова.

— Нет.

— Думаешь жить с ним, нет-ли?

— Она Хоть и дурная-б, да от об нее не понимает — вмешалась хозяйка.

Наталья чувствовала, что кровь плещет ей в лицо до слез горячая. Она склонила голову над чулком, исподлобья быстро глянула на баб и видя, что на нее смотрят, сознавая что краски стыда не скрыть от них. Неловко, так что это все заметила, уронила с колен клубок и нагнулась шаря пальцами по холодному полу.

— Нацепи на ево, бабонька. Была-бы шея, а ярмо будет.

Оживление деланное Натальи потухло искрой на ветру. Бабы перекинулись в разговоре на последние сплетни, на пересуды, Наталья не вмешивалась в разговор. Она с трудом восидела до конца и решила в душе неоформленные решение. Этот стыд свое неопределенное положение, (она все не верила, что Григорий ушел навсегда) и тревога ежу все, гнала ~~[illegible]~~ толкнула ее к следующему поступку: решила послать потихоньку от отца в Ягодное к Григорию ~~[illegible]~~, что-бы узнать ~~[illegible]~~ ~~[illegible]~~ ~~[illegible]~~ ~~[illegible]~~ и не одумался-ли.

Пришла она от пелачи поздно. Дед Гришака сидел в горнице, читал затрепанное, в закапанном воском переплете Евангелие. Мирон Григорьевич в кухне довязывал шерстяно кроло, слушая рассказ Ивея о каком-то давнишнем убийстве. Мать Натальи уложив детей стала на печке протянув к двери черные подошвы ног. Наталья раздевшись и бесцельно прошлась по комнатам. В зале в углу отгороженном доской ~~[illegible]~~ ворох ~~[illegible]~~ конопляного на посев семени и мышиный шелк.